

Слово

В сердце каждого русского человека особое место занимает Пушкин. Впервые я встретился с Пушкиным в детстве — это были «Сказка о царе Салтане» и «Золотой петушок» с иллюстрациями Билибина. Иллюстрации к первой сказке нравились мне безоговорочно. «Золотой петушок» принимался тогда с оговорками, стилизация под русский лубок была тогда еще непонятна.

Зато иллюстрации В. Васнецова к «Песне о вещем Олеге», показанные нам учителем русского языка, понравились чрезвычайно. Помню, с каким удовольствием писал это сочинение — ведь Олег был киевским князем, моим, хотя и очень давним, земляком.

Там же, на Украине, как-то особенно близкими были герои пушкинской «Полтавы». Виденные мной в детстве пушкинские оперы — «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин» и особенно «Борис Годунов» и «Пиковая дама» — насытили меня не только музыкальными, но, как теперь говорится, и «визуальными» впечатлениями. Несколько иллюстраций А. Бенуа к «Медному всаднику» были выдраны из школьной хрестоматии Острогорского и присоединены к моему «собранию» репродукций и открыток. До сих пор храню и детский рисунок цветными карандашами, изображающий Пимена в келье, сделанный под впечатлением посещения театра.

Позже началось уже самостоятельное постижение Пушкина — чтение для себя. Но если и закрадывалась иногда мысль об иллюстрировании Пушкина, я всегда ощущал в себе какую-то грань, не позволяющую ее переступить.

И вот только в 1936 году впервые встретился с Пушкиным как иллюстратор. Издательство «Academia» заказало иллюстрации к «Метели» («Повести Белкина») для шеститомного собрания сочинений. Оказалось в весьма лестном для меня обществе художников Б. Кустодиева, В. Конашевича, В. Шухаева и других, чьи иллюстрации были помещены в томе IV (прозаические произведения).

Помню, осмелел и взялся за иллюстрирование «Повестей Белкина» в 1937 году, затем последовал «Дубровский» и ряд иллюстраций к отдельным пушкинским произведениям — «Деревня», «Вновь я посетил», «Осень», «Зимняя дорога», «Песнь о вещем Олеге».

В 1973 году захотелось как-то объединить иллюстрированные мной отдельные пушкинские произведения. Задумал издание художественной прозы А. С. Пушкина в пяти небольших томиках, заключенных в один футляр. Предложил издательству «Детская литература» следующие произведения: «Повести Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Пиковая дама» и «Арап Петра Великого». Издательство одобрило предложение, но исключило из состава «Арапа Петра Великого» как незаконченное произведение.

Лето 1973 года прошло в работе над рисунками к «Повестям Белкина» и «Дубровскому» — книгам, которые уже иллюстрировал — одну 36 лет, другую 24 года тому назад. Что же побудило меня еще раз к ним обратиться? Среди пяти изящных, чуть иронических «Повестей Белкина» — то подчеркнута романтических («Выстрел», «Метель»), то пасторально-буколических («Барышня-крестьянка»), то гротескно-фантастических («Гробовщик»), «Станционный смотритель» занимает особое место. В ней впервые в русской литературе с глубоким сочувствием показана трагедия маленького человека, побежденного в неравной борьбе за свою дочь. Поразительно точными и живыми средствами создал Пушкин глубоко психологическую и социальную характеристику смотрителя — Самсона Вырина. Образ страдающего и борющегося маленького человека стал затем ведущим образом глубоко гуманистической русской классической литературы — это и «Шинель» Н. Гоголя, и «Униженные и оскорбленные» Ф. Достоевского.

Выполнил заново все рисунки к «Станционному смотрителю», попытавшись сделать более

В мастерской народного художника СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР Дементия Алексеевича Шмаринова издания Пушкина занимают особое место. На полках стоят собрания сочинений Александра Сергеевича, выпущенные в разные годы, многочисленная литература о нем. Здесь же отдельно изданные произведения А. С. Пушкина с иллюстрациями художника, за которые (как и за иллюстрации к «Войне и миру» Л. Толстого) он удостоен Ленинской премии. Дементий Алексеевич вынимает из футляра серебристый томик «Метели», медленно перелистывает страницы, словно вспоминая о чем-то.

Как родился замысел этого по-своему уникального издания: повести Пушкина — четыре разного цвета книжки, уложенные в белый футляр! Какие ассоциации помогали художнику в создании графических образов Дубровского и Пиковой дамы, Пугачева и Барышни-крестьянки! Когда художник впервые приступил к иллюстрированию произведений поэта!

Дементий Алексеевич Шмаринов вводит нас в свою творческую лабораторию...

разнообразным психологическое состояние зрителя в различных сценах, подчеркнув человеческое достоинство несчастного отца.

Иллюстрации к «Метели» также сделал заново, заменил рисунок к «Гробовщику» новым, в котором усилил контраст живого гробовщика — Адриана Прохорова — с обступившими его «клиентами», выходцами с того света.

Ко всем повестям сделал новые рисунки на спусковых полосах и повторил заново рисунки на шмуцтитутах.

Как показало время, мой «Дубровский» 1949 года был очень неровным по качеству иллюстраций и не слишком точным по трактовке произведения. В новых рисунках я стремился усилить контраст материального и общественного неравенства двух поссорившихся друзей — старика Дубровского и барина Троекурова. Добавил отсутствующие в первой редакции рисунки, посвященные истории сватовства и насильственного брака дочери Троекурова Мани с князем Верейским.

В фронтисписе я старался показать Дубровского не только как романтического разбойника — мстителя за смерть отца и попорченную любовь, но и как предводителя крестьян и дворян, восставших против барского гнета.

Но самым главным в этой работе над двумя первыми пушкинскими книгами было желание совместить старые рисунки с новыми так, чтобы не было видно швов, чтобы сохранить цельность пластической концепции и единый характер рисунка. Приступая к новой работе, приходилось перестраивать свой художественный язык. (После «Тараса Бульбы»). 1974 год был отдан «Капитанской дочке», книге, уже имевшей своих иллюстраторов — А. Бенуа, С. Герасимова, В. Фаворского, А. Пластова.

Это произведение Пушкина очень отлично

от тех двух книг, над которыми я только что работал. «Капитанская дочка» — широкое социальное полотно, раскрывающее историю казацкого восстания, переросшего в грозную народную войну, где под знаменем Пугачева в борьбе с самодержавием и крепостничеством объединились крестьянская масса, подневольные уральские рабочие люди, угнетенные царизмом национальности. «Капитанская дочка» возникла на громадном документальном историческом материале, им изученном, на том самостоятельном поиске, который Пушкин совершил, осуществив путешествие по местам, где происходили эти события, встречаясь с людьми, хранящими память о Пугачевском восстании.

«История Пугачева» и «Капитанская дочка» — историческое исследование и художественное произведение — стали итогом этого пристального внимания Пушкина к глубинным процессам народной жизни, к той трагической кульминации, которой стало и завершилось возглавленное Пугачевым народное движение.

В своих иллюстрациях я опирался и на текст «Капитанской дочки», и на материалы «Истории Пугачева». Пугачевское восстание, сама фигура Пугачева и его соратников, все драматические события повести показаны через переживания юного Гринёва. Эти события в его глазах — лишь жестокие испытания его первой любви. Этот ракурс давал мне возможность показать Пугачева не только как человека, чья терпимость, великодушие и широта ума помогли дворянскому подростку сохранить не только свою жизнь, но и свою любовь.

Я переместил в своих иллюстрациях акценты с трогательной истории любви Гринёва и Мани на исторический фон, народные события, на Пугачева и его соратников. Поэтому на двухстраничном фронтисписе показано торже-

И пластика

ственное вступление Пугачева в Белогорскую крепость. Поэтому на втором рисунке разворота явился еще одна кульминация повести — застолье Пугачева с товарищами, поющими его любимую, полную мрачных предчувствий песню, кончающуюся словами: «я за то тебя, детинушка, пожалуй среди поля хоромами высокими, что двумя ли столбами с перекладиной». Пугачев фигурирует еще в пяти иллюстрациях.

Естественно, что все перипетии любви Гринёва и Мани также нашли свое отражение в книге. Остался неосуществленным только эскиз иллюстрации с изображением встречи Мани с «милостивой и благожелательной» Екатериной II в Царском Селе — она была заменена изображением казни Пугачева на Болоте в Москве.

Народный эпический строй выдержан Пушкиным в четырнадцати эпиграфах к каждой главе повести, в большинстве своем заимствованных из народных песен и пословиц. И в этом я шел за автором. Сделав соответствующие изобразительные эпиграфы, выведя их на отдельные страницы, перед спусковой полосой. Содержание, литературная форма и глубокий исторический материал, лежащий в основе «Капитанской дочки», весьма отличен от изящных камерных «Повестей Белкина», от романтического «Дубровского». Жизненная правда русской истории, составляющая содержание этой повести, пропитывала каждую его строчку, все это требовало поиска соответствующего изобразительного пространства, особенно, более сложного, динамичного и реалистически правдивого, непредвзято жизненного композиционного решения. Оставаясь все той же великой в своей кристальной чистоте и содержательности пушкинской прозой, «Капитанская дочка» должна была встать в определенные рамки единого художественного решения издания.

К следующей книге четырехтомника — «Пиковая дама» я готовился около двух лет. Основная трудность возникла задолго до того, как я сел за рабочий стол. Она состояла в том, что «Пиковая дама» была наиболее иллюстрируемым произведением Пушкина и что среди этих художников-иллюстраторов были такие мастера, как Александр Бенуа, В. Шухаев, Н. Тырс, Г. Елифанов, и другие.

Очень стройная литературная композиция этого небольшого по объему произведения, состоящего всего из шести глав, каждой из которых предшествует краткий эпиграф, подсказывает художнику-иллюстратору необходимость

следования этой композиции и в своей работе. Это можно проследить хотя бы на примере столь различных по своей трактовке иллюстраций А. Бенуа и Г. Елифанова, при всем своем художественном своеобразии точно воспроизводящих литературный строй книги.

«Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого», Наполеон на поле карточной битвы, маньяк, обуреваемый мечтой о власти денег над людьми и их чувствами, — таков Германн, далекий предшественник Раскольникова. Я искал пластическую и психологическую характеристику Германна в самом силуэте его фигуры, в замкнутом характере движения его рук, то скрещенных на груди, то плотно к ней прижатых, как бы оберегающих от постороннего глаза глубоко припрятанную внутри себя тайну. Пиковую даму, молодую, обворожительную московскую Венеру, чаровницу галантного XVIII века я вывел из текста и поместил на фронтисписе рядом с титулом, напоминающим игральную карту — туз пик. Пушкинские эпиграфы, совмещенные с изобразительными, вынесены на отдельную страницу. Кстати сказать, размещение изобразительных эпиграфов в каждой из четырех книг отлично друг от друга.

Вся работа — макет издания, переплет, форзац, титулы и шмуцтитуты, страничные иллюстрации и многочисленные текстовые изобразительные элементы были закончены в 1976 году. По моему замыслу цвет переплета каждой книги должен быть разным и соответствовать в какой-то мере характеру произведения. Так, «Повести Белкина», начинающиеся, как известно, с «Метели», получили серебристо-белый переплет, «Дубровский» по прямой ассоциации с дубравой — зеленый, «Капитанская дочка» — красный, «Пиковая дама» — черный...

Неиссякаемым источником вдохновения я могу назвать Пушкина применительно к своей работе. В течение всей жизни каждый человек много раз встречается с Пушкиным. Глубокий мир образов, им созданный, постигается постепенно. Каждый возраст, каждый временной рубеж, нами пройденный, проявляет, доказывает, углубляет что-то, не до конца раскрытое нами в Пушкине. Каждое поколение открывает для себя нового Пушкина, Пушкин остается верным и вечным спутником всей нашей жизни.

● Д. ШМАРИНОВ. Из иллюстраций к произведениям А. С. Пушкина.

5 FEB 1987